

На правах рукописи

Ая -

Аджигова Ая Магометовна

**ИНГУШЕТИЯ В РОССИЙСКОМ ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX–ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

МАГАС
2016

Работа выполнена на кафедре истории ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет»

Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент,
Кодзоев Магомед Асланбекович

Официальные оппоненты: **Команджаев Александр Нармаевич**
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории России ФГБОУ ВО
«Калмыцкий государственный университет им. Б.Б.
Городовикова», Заслуженный деятель науки Рес-
публики Калмыкия, Почетный
работник высшего профессионального
образования Российской Федерации
Виноградов Борис Витальевич
доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры всеобщей и отечественной исто-
рии ФГБОУ ВО «Армавирский государственный
педагогический университет»

Ведущая организация – ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный уни-
верситет» (г.Махачкала)

Защита состоится «__» _____ 201_г. в «__» часов на заседании дис-
сертационного совета Д.212.076.03 по защите диссертаций на соискание ученой сте-
пени кандидата исторических наук, ученой степени доктора исторических наук, при
Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего
образования «Кабардино- Балкарский государственный университет имени Х.М. Бер-
бекова», по адресу: КБР, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173.

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в научной библиотеке
Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова и на сай-
те Кабардино- Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова
<http://diser.kbsu.ru>.

Автореферат разослан «__» _____ 201_г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат исторических наук, доцент

Нальчикова Елена Аниуаровна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. После распада СССР в 1990-х гг. и крушения биполярного мира, введения Западом антироссийских санкций, вновь актуализировалась проблема места и роли России в мировом сообществе. Курс либералов в 90-е годы XX века на модернизацию социально-экономических отношений в обществе по европейскому образцу, дал сбой.

Усиление русофобии на Западе указывают на существенные отличия между западным и российским обществами и необходимость рассчитывать на собственный опыт и потенциал. На этом фоне набирают популярность идеи евразийства, доказывающие, что Россия исторически ближе к Азии, чем к Европе, что она является независимой и самобытной локальной цивилизацией.

Осуществление в обществе системных преобразований требует учета исторического опыта всего полиэтничного государства и интеграции традиционных обществ Северного Кавказа с его субгеографическими особенностями, в российское общество, в частности. Во второй половине XIX–первой трети XX вв. они пережили в составе России имперскую и советскую модернизации, коренным образом изменивших их экономической, социальной и культурный облик.

На современном этапе вновь актуализируется необходимость модернизации экономики и социальной сферы на основе последних достижений науки и техники. Наряду с этим, не исчерпали себя присущие модернизации субпроцессы – индустриализация, урбанизация, социальная мобильность, профессионализация, распространение и повышение уровня образования.

Ингушетия всегда была не самой богатой территорией, а ингуши не самым многочисленным народом на Северном Кавказе. И спустя век регион вновь оказался в эпицентре сложнейших процессов, обнаживших острый кризис в сфере социальных отношений, в основе которого, как представляется, лежит массовое отчуждение населения от социально значимой трудовой деятельности.

На 2002 г. в среднем по России в промышленности работало 22 % от общего числа занятого населения страны. В Карачаево-Черкесии – 24 %, Кабардино-Балкарии – 21,9 %, Ингушетии – 11,1 %. Занятость в сельском хозяйстве в среднем по России занято – 11,8 %, в Карачаево-Черкесии – 20,2 %, в Кабардино-Балкарии – 26,1 %, в Ингушетии – 7,7 %. Личное подсобное хозяйство имеют – в Ингушетии – 3,4 %, в Кабардино-Балкарии – 19,3 %. В иные виды трудовой деятельности вовлечены – Ингушетия – 9,1 %, Кабардино-Балкария – 32,5 %¹.

¹ Боров А.Х. Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе (Проблема социально-культурного синтеза). – Нальчик, 2007. – С. 214–215.

Причины сложной современной ситуации на Северном Кавказе, и, в Ингушетии, особенно, таятся в незавершенном и непоследовательном характере имперских и советских мероприятий по интеграции традиционных горских обществ в социокультурное и экономическое пространство России с противоречиями и издержки, которые бумерангом отзываются в наши дни.

Актуальность исследования социально-экономического и культурного развития Ингушетии второй половине XIX–первой трети XX веков в контексте включения ее в российский цивилизационный процесс связана с необходимостью осмыслить этот сложный и противоречивый процесс, не впадая в крайности, без приукрашивания, с одной стороны, и очернительства, с другой стороны.

В этот период накапливался опыт взаимодействия имперского центра с авторитетами Северного Кавказа, социокультурной интеграции в составе империи, шло административно-территориальное размежевание народов Северного Кавказа и советское национально-государственное строительство, сформировалась национальная советская элита и принципы политики «центр – национальные регионы».

Преодоление сложившегося негативного стереотипа об этих народах и уникальный опыт модернизации ингушского традиционного общества в условиях российских трансформаций – свидетельство высокого государственного мышления ингушской элиты и всего ингушского народа.

Степень разработанности проблемы условно делится на два раздела – историографию включения в российский цивилизационный процесс всего Северного Кавказа и историографию участия в этом процессе непосредственно Ингушетии.

Дореволюционная историография указанных процессов была либо теснейшим образом связана с проблемами Кавказской войны², либо имела этнографический оттенок³, либо, наконец, касалась установления на Кавказе российской политической власти и включения местных народов в россий-

² Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе: в 6-ти т. – СПб., 1871–1886; Потто В.Л. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах и биографиях. Т. 1–5. – Ставрополь. 1994; Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны. Т. 1. – СПб., 1889.

³ Берже А. Краткий обзор горских племен на Кавказе. – Тифлис, 1858; Леонтович Ф.И. Адагы кавказских горцев: материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Т. 1. – Одесса, 1882; Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. Т. 1–2. – М., 1890; Грабовский Н.Ф. Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушевского округа // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. III. – Тифлис, 1870; Вертепов А. Ингуши // Терский сборник. Вып. 2. – Владикавказ, 1892.

скую правовую систему⁴. Ингушей авторы зачастую упоминали лишь в общей связи с другими народами Северного Кавказа.

Советская историография рассматривала процессы на Северном Кавказе с сугубо классовых позиций, дискредитируя царизм и его национальную политику⁵. В историографии 1920–1930-х гг. с подачи В.И. Ленина⁶ Российская империя рассматривалась как «гюрьма народов», и впоследствии было подхвачено историками. Эти годы стали периодом становления советской историографии. Шло накопление исторического материала по проблеме. Авторами первых статей и обзоров были, преимущественно, партийные и советские работники, публицисты⁷. Идеологизированная советская историография пропагандировала тезис о том, но только вследствие «ленинской национальной политики» началось общегражданское сплочение населявших Россию народов, своего рода «дружба народов»⁸.

Активно этот тезис развивался и в послевоенный период – 1950–1980-е гг., когда масштабная разработка аспектов интеграции народов Северного Кавказа в российское общество позволили утвердиться этой проблеме как самостоятельному научному направлению применительно к Северному Кавказу⁹.

⁴ Эсадзе С.С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. 1–2. – Тифлис, 1907.

⁵ Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. Избранные произведения в четырех книгах. Кн. 3. – М., 1967.

⁶ Ленин В.И. О национальной гордости великороссов // Полн. собр. соч. – Т. 26. – С. 106–110.

⁷ Гурвич Г.С. Принцип автономизма и федерализма в советской системе. – М., 1924; Кокиев Г. Военно-колониционная политика царизма на Северном Кавказе // Революция и горец. – Ростов-на-Дону, 1929. – № 5; Петров В.П. Социалистическое строительство в национальных областях и национальных районах Северного Кавказа. – Ростов-на-Дону, 1930; Хурич П.А. На рубеже второй культурной пятилетки Северного Кавказа. – Ростов-на-Дону, 1932; Мартиросиан Г.К. История Ингушии: материалы. – Орджоникидзе, 1933.

⁸ Тотоев М. Из истории дружбы осетинского народа с великим русским народом. – Орджоникидзе, 1963.

⁹ Виноградов В.Б. Чечено-Ингушетия в советской исторической науке. (Критико-библиографический обзор). – Грозный 1963; Ефанов К.И. Помощь рабочего класса в культурном строительстве Чечено-Ингушского аула в период коллективизации // Ученые записки (ЧИГПИ). Вып. 24. Серия Философия, Вып. 4. Серия История. Вып. 5. – Грозный: ЧИГПИ, 1964. – С. 218–237; Авксентьев А.В. Ислам на Северном Кавказе. – Ставрополь. 1973; Куценко И.Я. Революция и культура. Очерк истории борьбы партийных организаций Северного Кавказа за осуществление культурной революции. 1918–1932 гг. – Краснодар, 1973; Джамбулатова З.Х. Культурное строительство в советской Чечено-Ингушетии (1920–1940 гг.). – Грозный, 1974; Бекижев М.М. Формирование социалистической интеллигенции у народов Северного Кавказа. – Черкесск, 1978; Каратаева М.А. В борьбе за нового человека (Из опыта рабо-

Своеобразным итогом советского этапа отечественной историографии в изучении настоящей темы стала «История народов Северного Кавказа с конца XVIII до 1917 г.», вышедшая в 1988 г.¹⁰. Это было капитальное исследование, раскрывающее с классовых позиций процесс вступления народов Северного Кавказа в состав народов России.

В середине 1980-х гг. отечественная историческая наука вступила в новый этап своего развития. Он ориентировал исследователей на новое прочтение истории, предполагающее более решительное преодоление влияния идеологии на историческую науку. Ряд авторов с точки зрения современных подходов, обнаруживают противоречия процессов трансформации традиционных обществ Северного Кавказа во второй половине XIX–первой трети XX века, их антагонизм с культурно-конфессиональными принципами организации нового советского общества и национальной государственности в 1920-х годах¹¹.

«Противоречивый процесс, присоединения Кавказа к России, ... проблемы включения кавказских народов в российскую социокультурную систему стали дополнительным стимулом для активизации кавказоведческих исследований во многих странах, и особенно в России» – писал руководитель СКНЦ Ю.А. Жданов¹².

В 1997 г. вышла коллективная монография «Национальная политика России: история и современность»¹³, в которой излагается национальная политика России в единстве ее теоретико-концептуальных и практических аспектов. В период революции и гражданской войны, указывают авторы монографии, «на практике испытывались разнообразные концепции автономизма, федерализма и унитаризма»¹⁴.

ты партийных организаций Чечено-Ингушетии по атеистическому воспитанию трудящихся в 1920–1940 гг.). – Грозный. 1979; Шеуджен Э.А. Советская историография национально-культурного строительства на Северном Кавказе. – Ростов-на-Дону, 1983.

¹⁰ История народов Северного Кавказа с конца XVIII в. до 1917 г. – М., 1988.

¹¹ Кокурхаев К.А. Особенности судопроизводства в Чечено-Ингушетии в первые годы Советской власти // Проблемы социалистической законности. Вып. 19. – Харьков, 1987; Ратушняк В.Н. Нерешенные вопросы социально-экономической эволюции народов Северного Кавказа в конце XIX–начале XX вв. // История СССР. – М., 1990. – № 6; Гагагова Л.С., Исмаил-Заде Д.И. Кавказ // Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. – М., 1998; Пляскин В.П. Система военно-народного управления на Кавказе (вторая половина XIX–начало XX вв.) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – Ростов-на-Дону, 2002. – № 2. – С. 7–12.

¹² Современное кавказоведение. Справочник персоналий. – 2-е изд., испр. и допол. – Ростов-на-Дону, 1999. – С. 4.

¹³ Национальная политика России история и современность. – М., 1997.

¹⁴ Там же. – С. 235.

Роли и месту Северного Кавказа в имперском измерении российской истории была посвящена коллективная монография «Северный Кавказ в составе Российской империи»¹⁵. Авторы считают, что «формирование российского сознания и идентичности среди северокавказских горцев началось в начале XX века, когда среди них заметно выросло количество лиц, поддерживающих Россию. В основном это старшины, представители высших сословий на военной службе в русской армии и некоторые мусульманские служители»¹⁶.

Проблемы ингушского народа, их взаимоотношений с соседними народами, попытки ингушской интеллигенции влиять на процесс через Государственную Думу, отражены в монографии Зорина В.Ю., Аманжоловой Д.А., Кулешова С.В., вышедшей в 1999 г.¹⁷.

Плюрализм научных подходов к проблемам истории народов Северного Кавказа особенно проявился в начале 2000-х гг. Н.Н. Великая предложила «российскость» как парадигму изучения российско-кавказского единства¹⁸. Альтернативу предложили сторонники локальной горской кавказской цивилизации в поисках новой методологии для исследования этого сложного интеграционного процесса¹⁹.

Борьбу идей и мнений вокруг проблем истории Северного Кавказа отразили историографы в работе Е.Ф. Кринко и Т.П. Хлынина²⁰. Важнейшей работой, раскрывающей роль и место Северного Кавказа в российском цивилизационном процессе, является монография А.Х. Борова, вышедшая в 2007 г.²¹. Автор делит историческое кавказоведение на две основные тенденции. Первая – политико-этнологическая – решила проблемы взаимной адаптации административно-правовой системы Российской империи и горского населения Северного Кавка-

¹⁵ Там же.

¹⁶ Северный Кавказ в составе Российской империи. – М., 2007. – С. 281–282.

¹⁷ Зорин В.Ю., Аманжолова Д.А., Кулешов С.В. Национальный вопрос в Государственных Думах России: опыт законодательства. – М.: Русский мир, 1999.

¹⁸ Великая Н.Н. Российскость как парадигма изучения российско-кавказского единства // Актуальные и дискуссионные проблемы истории Северного Кавказа. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2007.

¹⁹ Кавказ: проблемы культурно-цивилизационного развития. – Ростов-на-Дону, 2000; Шадже А., Шеуджен Э. Северокавказское общество: опыт системного анализа. – М.–Майкоп, 2004; Блиев М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. – М., 2004; Черноус В.В. Россия и народы Северного Кавказа: проблемы культурно-цивилизационного диалога // Научная мысль Кавказа. – 1999. – № 3.

²⁰ Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П. История Северного Кавказа в 1920–1940-е гг.: Современная российская историография. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. – 304 с.

²¹ Боров А.Х. Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе (Проблема социально-культурного синтеза). – Нальчик, 2007.

за; вторая – «просветительская» – стремилась найти наиболее органичные пути вовлечения этнических сообществ в единый с коренной Россией цивилизационный процесс европеизации (или модернизации, говоря современным языком)²².

А.Х. Боров показывает, что «либеральные аналитики акцентируют глубокую культурную «рознь» (или даже несовместимость)» между Россией и Северным Кавказом, «тупиковый характер социокультурных процессов на Северном Кавказе, протекающих на весьма архаичной социальной основе»²³. Вывод исследователя: «Северный Кавказ в целом так и не был включен в орбиту ни одной из великих современных цивилизаций, которые сформировались к XV–XVI вв. ... В социокультурном плане Кавказ остался самостоятельным, самобытным, но при этом как бы задержался в предыдущей эпохе»²⁴.

Исторический опыт социально-экономической и политической интеграции народов Северного Кавказа и степного Предкавказья в состав России, принципы управления регионом в имперский период в 1864–1917 гг. с точки зрения новых методологических подходов стали предметом анализа в научных работах Команджаева А.Н., Мацаковой Н.П., Булатова Б.Б. Эльмурзаевой Г.Б.²⁵.

²² Там же. – С. 3.

²³ Боров А.Х. Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе (Проблема социально-культурного синтеза). – Нальчик, 2007. – С. 3.

²⁴ Там же. – С. 20.

²⁵ История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. В 3-х т. Командаев. А.Н. Автор разделов. Элиста: ГУ «Издательский дом Герел», 2009; Команджаев А.Н., Мацакова Н.П. Реформа 1892 г. в Калмыкии. Элиста: Изд-во ФГБОУ ВПО «КалмГУ», 2011; Команджаев А.Н. Калмыцкое кочевое общество в общероссийской экономической системе в XIX веке. //К единству России: аспекты регионального и национального взаимодействия: материалы международной научной конференции. Элиста: АПП «Джангар», 2009; Команджаев А.Н. Тенденции развития ремесленного производства у калмыков в конце XIX–начале XX века.// Актуальные проблемы монголоведных и алтаистических исследований: материалы международной научной конференции. Элиста: Изд-во ФГБОУ ВПО «КалмГУ», 2009; Булатов Б.Б. Проблемы социально-экономического и социально-культурного развития Дагестана, 80-е годы XIX – 30-е годы XX вв.: автореф. ... докт. ист. наук. – Махачкала, 1997; Булатов Б.Б. Из истории социально-экономического развития Дагестана в конце XIX- начале XX вв. Учебное пособие – Махачкала.: ДГУ, 2003. – 323с.; Эльмурзаева Г.Б. Исторический опыт социокультурной интеграции народов Северного Кавказа в состав Российской Империи в 1864–1917 гг.: автореф. ... канд. ист. наук. – М., 2008; Она же. Исторический опыт политической интеграции Северного Кавказа в состав Российской Империи в 1864–1917 гг. // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2007. – № 2. – С. 33–42; Она же. Военно-политические аспекты присоединения Северного Кавказа к Российской Империи // Акту-

Эльмурзаева Г.Б. считает, что «интеграционная политика России опиралась на широкие слои горского общества, ориентированные на развитие торгово-экономических и социокультурных контактов с Империей. Совмещение военно-политических ограничений с гарантиями невмешательства во внутренние дела позволило существенно расширить численность пророссийски ориентированных сообществ горцев»²⁶.

Исследователи пришли к общему мнению, что управление на Кавказе не вписывалось в общую систему управления России. Оно было своего рода уступкой. «Кавказ для России представлял известную ценность, поэтому здесь было своеобразное управление»²⁷. Определены локальные особенности крестьянского движения на Северном Кавказе в условиях изменения социально-экономических отношений. По мнению Ю.Ю. Карпова, в целом аграрная политика государства на Северном Кавказе стала фактором важных изменений, связанных с выходом горских обществ из полузакрытого состояния, и стимулирования процессов их этносоциальной консолидации²⁸.

В отличие от Европейской России, на Кавказе иногородние и горские крестьяне стремились к переделу и земли казачьего войска. Поэтому, вопрос о взаимоотношениях между казаками и горцами выдвигается во главу угла в исторической литературе, выявивший одну из ключевых северо-кавказских проблем на закате Российской империи. Так, Магомедов М.А. считал, что горско-казачья вражда определяла главное содержание социальных противоречий на Тереке накануне революции²⁹.

Б.Х. Ортобаев считает, что политика расселения казаков и отказ правительства наделять горцев казачьей избыточной землей и запрет ее свободной аренды «объективно создавали благоприятные условия не только для антиколониальной борьбы, но и для национальной вражды между горцами и

альные проблемы российской модернизации. – Краснодар: КЮИ МВД РФ, 2005. – С. 84–93; Она ж. Принципы управления северокавказским регионом Российской Империи в 1864–1917 гг. // Страницы истории народов Северного Кавказа: сборник статей. – Грозный: ЧГПИ, 2007. – С. 21–28.

²⁶ Эльмурзаева Г.Б. Принципы управления северокавказским регионом ... – С. 20.

²⁷ Хубулова С.А. Казачье землевладение и социальное напряжение в горских районах Северного Кавказа в начале XX века // Казачество: прошлое и настоящее. – Волгоград, 2000. – С. 213.

²⁸ Карпов Ю.Ю. Россия и этносоциальные процессы на Северном Кавказе в новое и новейшее время // Россия и Кавказ – сквозь два столетия: исторические чтения. – СПб., 2001. – С. 195–196.

²⁹ Магомедов М.А. О некоторых особенностях Октябрьской революции и гражданской войны на Северном Кавказе // Отечественная история. – 1997. – № 6. – С. 82–83.

казаками»³⁰. В ряде исследований подчеркивается роль казачества как стабилизирующего фактора на Кавказе³¹.

Ш.А. Гапуров и А.М. Бугаев указали на два «полюса»: с одной стороны «отдельные местные народы», у которых «еще заметно сохранялись признаки ранних стадий исторической эволюции, где этноконфессиональные, сословные и прочие проблемы переплелись в тугой узел». Подпитываемая ими «неорганизованная протестная среда – горцы, казачество, т.н. иногороднее население – была расчленена старыми историческими обидами и обособлена в рамках своих интересов. На другом полюсе находилась либерально настроенная элита...»³².

Поиски путей создания национальной государственности на Северном Кавказе прослежены В.Д. Дзидзоевым в его работе «От Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана до Горской АССР (1917–1924 гг.)»³³.

Недолгое существование Горской Республики фундаментально изучено А.Х. Даудовым в его труде «Горская АССР. 1921–1924 гг. Очерки социально-экономической истории»³⁴ и в его докторской диссертации³⁵.

Т.П. Хлынина отметила, «что если процесс образования Чеченской АО достаточно подробно освещен в литературе, то получение самостоятельности ингушским народом выглядит как следствие упразднения Горской республики и необходимости решения задач нового административно-хозяйственного районирования. Образование самостоятельной автономии ингушского народа оценивалось с точки зрения создания более благоприятных условий для его быстрого развития и широкого вовлечения в советское строительство»³⁶.

³⁰ Ортобаев Б.Х. Социально-экономический строй горских народов Терка накануне Великого Октября. – Орджоникидзе, 1992. – С. 33.

³¹ Трут В.П. Военная энциклопедия казачества. – М., 2009. – С. 654.

³² Гапуров Ш.А., Бугаев А.М. Досоветский опыт чеченского этноса по формированию институциональной иерархии (государственности) // Национальная политика и модернизация системы управления на Юге России: исторический опыт и современные вызовы. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН. 2012. – С. 31.

³³ Дзидзоев В.Д. От Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана до Горской АССР (1917–1924 гг.). – Владикавказ, 2003.

³⁴ Даудов А.Х. Горская АССР. 1921–1924 гг. Очерки социально-экономической истории. – СПб., 1997.

³⁵ Даудов А.Х. Социально-экономическое развитие Горской Автономной Советской Социалистической Республики (1920–1924): дисс. ... д.и.н. – СПб., 1998.

³⁶ Хлынина Т.П. Проблемы истории национально-государственного строительства на Северном Кавказе в 20–30-е гг. XX в. // Актуальные и дискуссионные проблемы истории Северного Кавказа. – Ростов-на-Дону. 2007. – С. 136.

Ю.Ю. Карпов допускает, что «Центр, с одной стороны, опасаясь роста националистических настроений на местах, с другой, применительно к чеченцам и ингушам, допускал и даже поощрял их «гесный союз» (возможно в противовес другим подобным «союзам»)»³⁷ («Великим» Осетии и Черкесии). В Ингушетии фактически доминировала не советская, а традиционная элита – подлинная и органичная для своего сообщества, адекватная его социальной структуре, традициям и мировосприятию. Эта элита – духовенство и старейшины фамильных групп – обеспечила для самосохранения стойкий антисоветский иммунитет³⁸.

В.В. Клычников считает, что «лидеры национальных автономий считали одной из своих первоочередных задач вытеснение русского элемента из органов управления и приобретения новых, экономически прибыльных территорий»³⁹. Проблемам национальной политики и модернизации системы управления на Северном Кавказе и на Юге России в целом в последнее время посвящен ряд исследований⁴⁰.

В исследованиях Т.Ю. Красовицкой разработана тема государственного руководства национально-культурными преобразованиями на общероссийском уровне⁴¹, раскрыта роль советских политических деятелей в проектировании

³⁷ Карпов Ю.Ю. О нацистроительстве на Северном Кавказе в раннесоветский период // Материалы Всероссийской научной конференции: Национальная политика и модернизация системы управления на Юге России: исторический опыт и современные вызовы. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. – С. 215.

³⁸ Цуциев А.А., Дзугаев Л.Б. Северный Кавказ. 1780-1995. История и границы. – Владикавказ, 1997. – С. 13–14.

³⁹ Клычников Ю.Ю. «Как ребенок один раз прикоснувшись к огню...»: из истории административно-территориального обустройства Северного Кавказа в 20–30 гг. XX столетия // Материалы Всероссийской научной конференции: Национальная политика и модернизация системы управления на Юге России: исторический опыт и современные вызовы. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. – С. 50.

⁴⁰ Национальная политика и модернизация системы управления на Юге России: исторический опыт и современные вызовы. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012; Национальные истории в советских и постсоветских государствах. – М.: АИРО-XX, 2003.

⁴¹ Красовицкая Т.Ю. Власть и культура. Исторический опыт организации государственного руководства национально-культурным строительством. 1917–1925 гг. – М., 1992; Красовицкая Т.Ю. Модернизация России: национально-культурная политика 1920-х годов. – М., 1998. Красовицкая Т.Ю. Модернизация российского образовательного пространства. От Столыпина к Сталину (конец XIX в. – начало 20-е годы XX в. – М., 2011.

национально-культурной политики 1920-х годов. Особенности этих преобразований на Северном Кавказе посвящена работа Х.Б. Мамсирова⁴².

Из трудов непосредственно по истории Ингушетии, важнейшим является первый фундаментальный труд по истории Ингушетии, изданный в 2011 г. коллективом Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева⁴³. Он содержит огромный фактический материал и может служить основой для широкого круга проблем из истории Ингушетии. Ему предшествовал сборник статей и очерков по истории и культуре ингушского народа, опубликованный в Саратове в 1996⁴⁴.

В советской историографии, как правило, история Ингушетии рассматривалась в совокупности с историей Чечни, наиболее полным из которых были «Очерки истории Чечено-Ингушской АССР», изданные в Грозном в 1967 г.⁴⁵. Был разрешен ряд важнейших вопросов в более поздних трудах⁴⁶.

⁴²Мамсиров Х.Б. Модернизация культур народов Северного Кавказа в 20-е годы XX века. – Нальчик, 2004.

⁴³ Долгиева М.Б., Картоев М.М, Кодзоев Н.Д. Матиев Т.Х. История Ингушетии. – Магас–Нальчик, 2011.

⁴⁴ Ингуши: сборник статей и очерков по истории и культуре ингушского народа. – Саратов, 1996.

⁴⁵ Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. – Грозный, 1967.

⁴⁶ Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Советский период. Грозный. 1978; Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII–начало XX века). – Грозный, 1986; Ахмадов Ш.Б. Взаимовлияние производственного опыта русских переселенцев и местных народов Терской области в XIX–начале XX в. // Прогрессивное влияние России на социально-экономическое и политическое развитие народов Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1989; Большух А.В. История рабочих Чечено-Ингушской АССР. – Грозный, 1986; Гойгова З.А.-Г. Развитие нефтяной промышленности Чечено-Ингушетии в 1926–1928 гг. // Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт при Совете Министров ЧИАССР. Вып. 1. Т. 8. – Грозный, 1969; Гриценко Н.П. Классовая и антиколониальная борьба крестьян Чечено-Ингушетии на рубеже XIX–XX вв. – Грозный. 1971; Дидигова И.Б. Административно-территориальное обустройство Чечено-Ингушетии в 1920–1930-е гг.: автореф. дисс. ... канд. и. н. – М., 1997; Кокорхоева Д.С. Становление и развитие советской национальной государственности ингушского народа (1917–1944 гг.). – Элиста, 2002; Матиев Т.Х. Общественно-политическое развитие Ингушетии в конце XIX - начале XX века, автореф. дисс. ... канд.и.н. – Нальчик, 2003 окурхаев К.С. Общественно-политический строй и право чеченцев и ингушей (вторая половина XIX–начало XX вв.). – Грозный, 1989.

Эльбиздукаева Т.У. в своем исследовании⁴⁷ так же рассмотрела в единстве проблемы Чечни и Ингушетии. Она считает, что «политика индустриализации, коллективизации сельского хозяйства, национально-государственного и культурного строительства в Чечне и Ингушетии в 1920–1930-е гг. представляла противоречивый процесс, с созидаем и насилием, обусловленный историческими, социально-политическими тенденциями развития советского государства. Значимые результаты могли бы быть достигнуты при адекватном подъеме образовательного и культурного уровня общества»⁴⁸.

Среди работ, посвященных непосредственно истории Ингушетии, следует назвать 2-й том сборника документов и материалов «Ингушетия и ингуши» (автор и составитель М.С. Яндиева–Албогачиева)⁴⁹. Историографический интерес представляет предисловие издания. Автор-составитель выявила «такую особенность ингушского национального менталитета, как биполярность при абсолютно «автокефальном» религиозном сознании народа. И революция, и гражданская война, и последующая советизация так и не изменили суверенное ингушское религиозно-духовное пространство, оставшееся незабываемым и не трансформирующимся при любых социально-политических потрясениях и режимах»⁵⁰.

Интересен труд Мальсагова А.У. «Ингуши в войнах России XIX–XX вв.», вышедший в Нальчике в 2002 г.⁵¹. Он посвящен службе ингушей в Российской армии, формированию ингушской военной интеллигенции и российской идентичности, роли ингушей в укреплении российской государственности на различных этапах отечественной истории.

Таким образом, появилась масса исследований о включении народов Северного Кавказа в российский цивилизационный процесс. Касательно Ингушетии созданы важные труды об установлении российской администрации, включению ее в общероссийский рынок в имперский период, и по советской истории региона.

Но исследований о вхождении Ингушетии, как самостоятельной территориальной, административной, национально-государственной единицы в перманентный российский цивилизационный процесс, пока нет.

Исходя из сложившейся историографической ситуации, определяется **цель исследования**: изучение уникального опыта экономической и социокультурной интеграции Ингушетии в российский цивилизационный процесс во второй половине XIX–первой трети XX века. В соответствии с поставленной целью определены следующие **задачи исследования**:

⁴⁷ Эльбиздукаева Т.У. Социально-экономическое, политическое и культурное развитие Чечни и Ингушетии в 20–30-е годы XX века: автореф. ... д-ра и.н. – Ростов-на-Дону, 2013.

⁴⁸ Эльбиздукаева Т.У. Указ. соч. – С. 5.

⁴⁹ Ингушетия и ингуши. Т. 2. – М., 2002. – С. 3.

⁵⁰ Там же. – С. 4.

⁵¹ Мальсагов А.У. Ингуши в войнах России XIX–XX вв. – Нальчик, 2002.

– рассмотреть результаты преобразования ингушского традиционного общества в условиях становления российской системы управления и активной фазы советской модернизации;

– изучить особенности становления современных форм экономики и социальных отношений, трансформации хозяйственного уклада Ингушетии в имперский и советский периоды (1860-е – 1934 гг.);

– проанализировать процессы в ингушском обществе в период революционных потрясений и гражданской войны (1917–1920 гг.);

– определить степень европеизации культурной сферы ингушского общества в условиях российских трансформаций;

– выяснить роль исламского фактора в процессе социальной модернизации ингушского общества второй половины XIX–первой трети XX вв.

Объектом исследования являются Ингушетия и ингушское общество в период российских трансформаций во второй половине XIX–первой трети XX вв.

Предметом исследования является включение ингушского традиционного общества в российский цивилизационный процесс во второй половине XIX–первой трети XX века. Достижение цели и решение поставленных задач предполагают привлечение обширной **источниковой базы**.

Во-первых, это опубликованные сборники документов. Важнейшие среди них – стенографические отчеты императорской Государственной Думы, в которых отражены проблемы ингушей и межнациональных отношений на Северном Кавказе в целом⁵².

Важным документом является «Кавказский запрос в Государственной Думе»⁵³, в котором в контексте межнациональных отношений на Кавказе в начале XX века, рассматриваются ингушского народа.

Сохранили свою значимость сборник «Съезды народов Терека. 1918»⁵⁴ и ряд сборников по культурному строительству в Чечне и Ингушетии⁵⁵.

⁵² Государственная Дума 2 созыв. Сессия 1. Заседание 19–38 (с 1 июня по 4 июля 1906 г.). Стенографический отчет. Т. 2. – СПб., 1906; Государственная Дума. 3 созыв. Сессия 5. Заседание 120–153 (с 30 апреля по 9 июня 1912 г.). Стенографический отчет. Ч. 4. – СПб., 1912.

⁵³ Кавказский запрос в Государственной думе. Полные речи всех ораторов по официальным стенограммам. – Тифлис, 1909.

⁵⁴ Съезды народов Терека. 1918. Т. 1–2. – Орджоникидзе, 1977–1978.

⁵⁵ От вековой отсталости к социализму. Осуществление ленинской национальной политики в Чечено-Ингушетии. 1917–1941 гг.: сборник документов и материалов. – Грозный. 1977; Культурное строительство в Чечено-Ингушетии (1920 – июнь 1941 гг.): сборник документов и материалов. – Грозный, 1979.

В изданном в 2005 г. сборнике документов «Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX–начало XX вв.»⁵⁶ собраны официальные и неофициальные документы, характеризующие пути вхождения Кавказа в общее пространство Российской империи.

Сборник документов «Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.), Горская республика (1918–1920 гг.). (Документы и материалы)»⁵⁷ отражает первые попытки создания национальной государственности на Северном Кавказе. Важнейшим источником по интересующей нас теме является сборник: «ЦК РКП (б) – ВКП (б) и национальный вопрос»⁵⁸ и подборка документов Н.Ф. Бугая и А.М. Гонова «Северный Кавказ: границы, конфликты, беженцы (документы, факты, комментарии)»⁵⁹.

Во-вторых, это воспоминания участников событий. До настоящего времени относительно мало использовались воспоминания участников гражданской войны со стороны белых, которые дали оценку участию ингушей в гражданской войне как люди военные и как политики⁶⁰.

В-третьих, это теоретические труды и выступления политических деятелей, «вершивших судьбы» народов Северного Кавказа и ингушей в том

⁵⁶ Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX–начало XX вв. – СПб., 2005.

⁵⁷ Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.), Горская республика (1918–1920 гг.): документы и материалы. – Махачкала, 1994.

⁵⁸ ЦК РКП (б) – ВКП (б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933. – М., 2005.

⁵⁹ Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Северный Кавказ: границы, конфликты, беженцы: документы, факты, комментарии. – Ростов-на-Дону, 1997.

⁶⁰ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Вооруженные силы Юга России. Распад Российской империи. Октябрь 1918 – январь 1919. – Минск, 2002. – С. 175; Шкуро А.Г. Записки белого партизана // Белое дело. Добровольцы и партизаны. – М., 1996. – С. 209.

числе. Это труды, письма и телеграммы В.И. Ленина⁶¹, И.В. Сталина⁶², Г.К. Орджоникидзе⁶³, С.М. Кирова⁶⁴, А. Шерипова⁶⁵.

В-четвертых, это ряд печатных изданий интересующего нас периода, которые отражают особенности интеграции горцев в российское социокультурное и экономическое пространство.

Ряд центральных советских журналов: «Народное просвещение», «Культпоход», «Коммунистическое просвещение», «Коммунистическая революция», демонстрирующие влияние большевистской практики модернизации на изменение менталитета и традиций северокавказских горцев.

Ценную информацию содержат северокавказские газеты и журналы, транслировавших установки центра при реализации имперских и советских реформ в условиях северокавказской специфики: «Терский календарь», «Терская жизнь», «Вольный Дон», «Народная власть», «Приазовский край», «Терек», «Революция и горец» и др.

В-пятых, это фонды восьми федеральных и местных архивов. В первую очередь это фонды: *Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ)* и *Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ)* в которых отражены стратегия и тактика центральных партийных и государственных учреждений по реализации большевистских планов «подтягивания» восточных народов до уровня передовой европейской цивилизации.

Особую ценность представляют фонды *Центра документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО)* и *Государственного архива Ростовской области (ГАРО)*, где сосредоточены документы краевых партийных и советских организаций, являвшихся промежуточным звеном между центром и периферией, активно влиявших на ситуацию в национальных автономиях.

Реализацию указаний Центра и краевого центра на местах показывают документы *Центрального государственного архива Республики Северной*

⁶¹ Ленин В.И. От разрушения векового уклада к творчеству нового // Полн. собр. соч. – 5-е изд. – Т. 40; Ленин В.И. Речь на III съезде профессиональных союзов // Полн. собр. соч. – 5-е изд. Т. 40; Ленин В.И. Товарищам коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской республики // Полн. собр. соч. – 5-е изд. Т. 43.

⁶² Сталин И.В. Национальный вопрос и ленинизм. Собр. соч. Т. 1. – М., 1949; Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос. Собр. соч. Т. 2. – М., 1954; Сталин И.В. Политика советской власти по национальному вопросу. Собр. соч. Т. 4. – М., 1954; Сталин И.В. Об очередных задачах партии в национальном вопросе. Собр. соч. Т. 5. – М., 1954; Сталин И.В. Октябрьская революция и национальная политика русских коммунистов. Собр. соч. Т. 6. – М., 1954.

⁶³ Орджоникидзе Г.К. Статьи и речи: в 2-х т. – М., 1956–1957.

⁶⁴ Киров С.М. Избранные статьи и речи. – М., 1957.

⁶⁵ Шерипов А. Статьи и речи. – Грозный, 1972.

Осетии-Алании (ЦГА РСО-А) и Государственного архива Республики Ингушетия (ГАРИ). Последний находится еще в стадии становления, и пополняется за счет документов из фондов ГАРФ. Привлечены некоторые документы из фондов *ЦГА ЧИАССР и ПАЧИОКПСС*, где соискателю удалось поработать на излете советского периода.

Таким образом, аккумулирован комплекс документов, насыщенный в целом необходимыми материалами, позволяющими при сравнительном анализе разнотипных источников получить адекватную информацию для раскрытия темы исследования.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые осуществлен комплексный анализ включения Ингушетии в российский цивилизационный процесс в период ее существования как самостоятельной национально-территориальной или национально-государственной единицы, начиная от Ингушского округа в составе Терской области Российской империи, и заканчивая Ингушской АО в составе Северо-Кавказского края.

На основе сравнительного изучения обширного блока источников, за счет привлечения и критического осмысления сведений, содержащихся в отечественной историографии, автор впервые подняла и исследовала комплекс вопросов, которые ранее не рассматривались.

Сопоставлены ключевые этапы включения Ингушетии в российский цивилизационный процесс – имперский с 1860-х до 1917 г. и советский с 1917 по 1934 гг. Выявлены отличия подходов различных типов государства в этом процессе и особенности социально-экономического, политического и культурного развития Ингушетии в условиях российских трансформаций.

Проанализированы особенности адаптации ингушского общества в российское общество в условиях российских преобразований (1864–1934 гг.), роль религиозного фактора в этом процессе, особенности формирования и поведения ингушской элиты в имперский и советский периоды.

Выявлены и указаны социально-экономические и политические причины массовой поддержки ингушами большевиков в годы гражданской войны и установления Советской власти на Северном Кавказе.

Соответствие диссертационного исследования Паспорту специальностей ВАК. Работа выполнена в рамках специальностей 07.00.02 - Отечественная история. Область исследования – п. 3. Социально-экономическая политика и ее реализация на различных этапах Российского государства; п. 11. Социальная политика государства и ее реализация в соответствующий период развития страны; п. 12. История развития культуры, науки и образования России, и ее регионов и народов; п. 21. История экономического развития России, ее регионов.

Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы для подготовки учебных пособий, в процессе преподавания общих и специальных курсов в заведениях

разного профиля, прежде всего, в гуманитарных вузах и колледжах, при разработке краеведческих трудов.

Методология и методы исследования базируется на системном подходе при анализе исторических событий, включающий, наравне с общенаучными, междисциплинарные и специальные методы.

Исследование опиралось на неоклассическую модель ретроспективно-го познания, которая предполагает паритетность концептуальных парадигм, дает возможность многомерных интерпретаций⁶⁶.

Важнейшим оставался принцип объективности, использовались проблемно-хронологический, ретроспективный, историко-сравнительный, историко-типологический подходы, что позволило углубленно исследовать проблему и решить поставленные задачи.

В диссертации, опираясь на паритетность концептуальных парадигм, используются элементы формационного, цивилизационного и модернизационного подходов.

Формационный подход объясняет особенности включения ингушского общества в советскую социально-экономическую модель. Цивилизационный подход помог в исследовании социокультурных факторов развития Ингушетии, модернизационный подход был применен при изучении процессов начала перехода ингушей от традиционного, аграрного общества к индустриальному.

В работе также использованы: историко-генетический метод, феноменологический метод, историко-сравнительный метод, историко-антропологический метод, проблемно-хронологический метод.

В работе использовались такие методы, как анализ и синтез, математико-статистический метод.

Предмет исследования вызвал к жизни широкое использование методологического и методического инструментария смежных гуманитарных наук – политологии, социологии, культурологии, что обусловило междисциплинарность как один из методов исследования. Комплексное использование методов позволило выявить особенности и тенденции развития проблемы.

Результаты исследования получили воплощение в следующих **основных положениях** исследования, **выносимых на защиту**:

– малочисленный ингушский народ, борясь за свое выживание, в XIX веке уклонялся от глобальных потрясений (активное участие в Кавказской войне) и, пользуясь попустительским методом имперского управления, вплоть до 1920 г. избегал российского контроля над внутренними проблемами общества, общаясь с русской властью «через переводчика»;

⁶⁶ Лубский А.В. Неоклассическая модель исторического исследования / отв. ред. А.В. Лубский. В.В. Черноус. – Ростов-на-Дону, 2004.

– экономические процессы внутри ингушского общества были пущены царской властью на самотек и незначительно изменили социальную структуру традиционного ингушского общества, что затрудняло адаптацию ее членов к новым реалиям;

– быстрый естественный прирост ингушей на фоне сокращения земельного фонда и роста рыночных отношений привел к обнищанию большей части населения; экстенсивные методы хозяйства вынуждали ингушей к поиску путей расширения своего ареала, что обусловили хронический конфликт с соседями, особенно с казаками, и более активное включение в экономические и политические процессы края;

– в период гражданской войны и установления Советской власти на Северном Кавказе ингуши в массе своей поддержали большевиков, поскольку те, считая своим главным врагом в регионе терских казаков, поддержали претензии ингушей на расширение ареала за счет казачьих земель;

– советская власть форсировано втягивало Ингушетию в российский цивилизационный процесс, развивало ее инфраструктуру, создавала промышленные предприятия, ликвидировала неграмотность населения, формировала новую преданную ей элиту, профессиональные и научные кадры среди ингушей; тем самым создавались предпосылки включения ингушей в индустриальное общество;

– обратной стороной масштабных мероприятий Советской власти было то, что она по своему усмотрению меняла национально-государственный статус Ингушетии, ее границы, стремилась искусственно расслоить достаточно сплоченное и экономически однородное общество по классовому принципу, и затем объединить его в новых рамках коллективизации;

– в ходе политики воинствующего атеизма советское государство нанесло сильнейший удар по всей духовной основе жизни ингушского народа; ингуши, будучи расколоты на последователей ортодоксального ислама и сектантов, не смогли оказать активного сопротивления; однако они сохранили свои религиозные традиции и сохранили их до наших дней;

– в целом в имперский период политическое и экономическое включение Ингушетии в российский цивилизационный процесс происходило эволюционным путем и имело незавершенный характер;

– в советский период интенсифицируется общественное и культурное включение Ингушетии в указанный процесс, которое принимает необратимый характер.

Хронологические рамки – вторая половина XIX–первая треть XX вв., когда с окончанием Кавказской войны началась интенсивная экономическая и социокультурная интеграция Ингушетии в российский цивилизационный процесс.

Верхней границей хронологических рамок является 1934 год, когда Ингушетия утратила свою областную автономию, была объединена в одну республику с Чечней, когда ее инфраструктура подверглась резкому изменению с утратой г. Владикавказа, являвшегося географическим, экономическим и культурным центром Ингушетии.

Территориальные рамки диссертации ограничены Ингушетией, а также теми территориями, которые когда-либо входили в состав Ингушетии, как территориальной, административной, национально-государственной единицы, на протяжении исследуемого нами периода.

Степень достоверности и апробация результатов исследования.

Достоверность результатов исследования базируется на теоретических положениях, на комплексе опубликованных документов, мемуаров и воспоминаний участников исторических процессов, фактов и событий и выявленных впервые автором архивных источников из фондов 8 федеральных и местных архивов страны, достижениях современной отечественной историографии. В целом это позволило решить поставленные цели и задачи.

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите 18 ноября 2015 г. на заседании кафедры истории Ингушского государственного университета.

Основные ее положения докладывались на региональных и международных конференциях: Ежегодной региональной научно-практической конференция молодых ученых «Молодые исследователи – в поиске», посвященной 20-летию образования Республики Ингушетия, г. Назрань 28 апреля 2012 г.; V Международная научно-практической конференция «Новое слово в науке: перспективы развития», г. Чебоксары 17 августа 2015 г.; XVI Международная научно-практическая конференция: «Современные тенденции развития науки и технологий», г. Белгород, 30 июля 2016 г.

По теме диссертации опубликовано 8 научных работ, общим объемом 2,25 п. л., в том числе 4 статьи в научных журналах, из списка рекомендованных ВАК.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, включающие семь параграфов, заключения и списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность избранной темы; дается характеристика состояния научной разработанности проблемы, формулируются цели и задачи, предмет и объект исследования, излагаются методологическая основа, теоретическая и эмпирическая база исследования, раскрывается научная новизна и практическая значимость диссертации.

В первой главе *«Включение Ингушетии в процессы российской модернизации во второй половине XIX–начале XX вв.»* рассмотрено включение Ингушетии в процессы российской модернизации во второй половине XIX–начале XX вв.

В первом параграфе *«Установление российской системы власти и управления и преобразования ингушского традиционного общества»* анализируются преобразования ингушского традиционного общества и установление российской системы власти и управления. Главной задачей российской администрации на Северном Кавказе стал поиск оптимальных форм управления и преобразования местных обществ с целью формирования у них лояльности к империи, гражданственности и цивилизации.

Государственная политика на Северном Кавказе, в зависимости от условий и методов ее реализации, была противоречивой. Власть прибегала то к мягким методам «обрусения», то к жестким методам «русификации».

Противоречие кавказской политики характеризует, с одной стороны, введение системы военно-народного управления для управления «туземным населением» с учетом народных обычаев, привлечение представителей местной элиты в ее структуры и на государственную службу.

С другой стороны, отказ от учета особенностей национальных окраин, когда управленческие издержки, нарушение государством принципа одинакового отношения ко всем народностям Кавказа оборачивались недовольством населения против правительства, имела печальные последствия и усугубляла межэтнические отношения.

С интеграцией в состав России, ингушские «вольные общества» с доклассовыми общинными порядками и верховенством в жизни «адатов», оказалась в эпицентре контактной зоны обществ и культур Северного Кавказа и России с несхожими формами управления, экономики, социальной структуры. В отличие от ближайших соседей и родственных им чеченцев ингуши не принимали участия в Кавказской войне против России, помогая ей в охране участка Военно-грузинской дороги. В этом видно стремление уклониться от глобальных потрясений, от насаждаемых законов имамата. Сохранялась также определенная самоизоляция народа ингушей от общероссийских проблем, пример тому участие добровольцев-ингушей в подавлении 1-й русской революции в составе отрядов стражников. С другой стороны, это можно рассматривать как демонстрацию верности верховной власти.

Утратив иллюзии на получении преференций за заслуги перед империей, ингушский народ в XIX веке стремился устраниваться от участия в раз-

решении общероссийских проблем и не допускать государственного контроля над внутренними проблемами общества, общаться с имперской властью «через переводчика».

Это совпало с намерениями имперского Центра в конце XIX–начале XX вв., который, в условиях сложных испытаний стремился, в первую очередь, сохранить «замирение» Северного Кавказа, практически не вмешивался в духовные проблемы ингушей, которые основывались на исламе и не являлись государственной религией. В итоге, Северный Кавказ в целом, и Ингушетия. В частности, не взбунтовались во время 1-й Мировой войны, а, продемонстрировал верность центральной власти.

Во второй половине XIX–начале XX вв. к управлению в Ингушском округе стали привлекаться представители местной традиционной элиты, и туземное происхождение не являлось препятствием к успешному прохождению государственной службы.

Во втором параграфе *«Становление новых форм экономики и социальных отношений»* показано, что вытеснение в горы ингушей, дефицит земли и рыночные отношения разрушали основы их традиционной экономики и баланс в развитии горных и плоскостных районов. В горах преобладали кабардино-ростовщические формы эксплуатации, вынуждая арендовать землю у казаков. Доля горской бедноты росла быстрее, чем на плоскости, а сельская буржуазия росла медленно. Отходничество среди ингушей было мизерным.

Власть практически блокировала ингушскую территорию, окружив ее землями казачьих станиц, отделив плоскостные и нагорные селения, друг от друга. Экономические процессы внутри ингушского общества были пущены на самотек. Социальная структура ингушского общества трансформировалась очень мало, что затрудняло адаптацию ее членов к новым реалиям. Противоречивая политика государства, издержки, незавершенный характер буржуазных реформ в регионе препятствовали полнокровному включению ингушей в общероссийский цивилизационный процесс.

Связанные традиционными ценностями и круговой порукой, ведущие экстенсивное хозяйство ингуши стали, в первую очередь, бороться за расширение своего ареала, что повлекло за собой хронический конфликт с соседями, и активизировал включение их в экономические и политические процессы края.

Третий параграф *«Интеграция ингушей в новое культурно – образовательное пространство Северного Кавказа»* рассматривает начало процесса европеизации культурной сферы ингушского общества. Достаточно долго остававшееся замкнутым традиционное ингушское общество, признало рос-

сийскую власть и необходимость платить налоги, но дало «трещину» под влиянием культурных инноваций. Интеграция горских народов в культурно – образовательное пространство России и сближение славянского и горского социумов происходило эволюционно.

Образованные и предприимчивые представители социальных ингушских верхов энергично включались в обновлении экономической, культурной и социальной сферы региона. Единицы достигли уровня европейской общественной мысли того периода (принцип автономии).

Расширение сети министерских школ и их влияния среди ингушского населения говорят о переломе их сознании в пользу светского образования. В условиях рыночных отношений, оно предоставляло большинству из них единственный реальный шанс подняться вверх по социальной лестнице.

Наряду с социальной верхушкой наблюдается складывание прорусски настроенной служилой ингушской элиты. Рассеялись опасения правительства о нелояльности горцев-мусульман в случае войны с Турцией. Кавказская конная туземная дивизия, и Ингушский полк, в частности, проявили в годы Первой мировой войны надежность и преданность России.

В целом, на рубеже XIX–XX веков элита и значительная часть ингушского общества уже не видела альтернативы включения Ингушетии в российский цивилизационный процесс, но в силу ряда обстоятельств они оказались в арьергарде десятков этносов Северного Кавказа со своими духовными, материальными и социальными ценностями, более активно двигавшихся в лоно российской цивилизации.

Вторая глава работы *«Советизация государственной власти и радикальное реформирование ингушского традиционного общества (1917–1934 гг.)»* состоит из четырех параграфов.

Первый параграф рассматривает *ингушское общество в период революционных потрясений, гражданской войны (1917–1920 гг.)*. В период революционных потрясений и гражданской войны ингушский народ сохранял тенденцию к расширению своего ареала, к чему добавилась задача самосохранения, присущая любому малому народу в период глобальных потрясений. Тотальное самовооружение ингушей в 1917 г. показывает, что они в этот период не доверяли никакой политической силе и надеялись только на себя.

Сформировавшаяся в имперский период ингушская интеллигенция, как и вся кавказская интеллигенция, преследуя общедемократические цели, в конечном итоге оторвалась от своего народа. Ингуши своей главной задачей видели не европейскую автономию или федерацию, а самосохранение, давая жесткий во-

енный отпор любому вмешательству извне. Потенциальному противнику они показывали, что он больше потеряет, чем приобретет, связываясь с ними.

Готовность вести военные действия предполагает поиск союзников и допустимые компромиссы. Мы видим, что ингушский народ готов был на компромисс с деникинцами, стремящимися восстановить дореволюционные отношения и дореволюционный ареал расселения ингушей. Одновременно ингуши готовы были на мало к чему обязывающие отношения с «Меджлисом» и представителями стран Антанты. Наиболее притягательным союзником виделись большевики, поддержавшие в своих интересах претензии ингушей на расширение ареала.

Учитывая, что революция 1917 г. представляла собой огромный традиционалистский взрыв, и примкнувшие к большевикам народные массы стремились к предельному упрощению социальной структуры общества, предполагаемое социальное устройство было наиболее духовно близко (без учета религиозных отличий) ингушскому обществу.

Второй параграф *«Трансформация хозяйственного уклада Ингушетии в период активной фазы советской модернизации (1921–1934 гг.)»*. Коренным отличием Советской власти от всех предыдущих (царской и деникинской) было то, что она вкладывала деньги в развитие инфраструктуры Ингушетии и поддерживала и реализовала претензии ингушей на расширение своего ареала. К концу 1920-х гг. уже 5/6 населения Ингушетии жили на плоскости. За короткий период у всего общества сильно изменились условия жизни. Из горцев ингуши превратились в жителей равнины. Более целенаправленно и системно велась борьба с бандитизмом. Строительство промышленных предприятий на территории Ингушетии создавало предпосылки для включения ингушей в индустриальное общество. С другой стороны, власть по своему усмотрению меняла национально-государственный статус Ингушетии, меняла ее границы.

Третий параграф *«Социокультурное обновление ингушского общества»* показывает, как Советский центр вывел взаимоотношения с ингушским обществом на качественно иной уровень. Он начал искусственное формирование новой элиты, стал призывать ингушей в Красную армию и стал создавать условия для ликвидации неграмотности населения, формирования профессиональных и научных кадров из числа ингушей.

Несмотря на массу проблем (особенно кадровых) проявилась устойчивая тяга населения к образованию. Предпринята попытка искусственного классового расслоения сплоченного и экономически однородного общества. В условиях НЭПа социальная стратификация происходила естественным пу-

тем, но общество либо противилось ему, либо маскировало его привычными патриархальными формами общения.

Поскольку коллективизация не меняла радикально социальную структуру общества и подчеркивала уравнительный характер процесса, особого сопротивления ей не было.

Новая советская ингушская элита включала в себя часть местной интеллигенции, сформировавшейся еще в имперский период, частично кадры новой генерации революционно настроенной молодежи, между которыми к началу 1930-х гг. уже проявляется противостояние.

Традиция делала новую элиту не по названию, а по сути «слугами народа». Ее эффективность оценивалась обществом по способности отстаивать перед Центром интересы и потребности ингушского народа. С началом коллективизации власти решились сменить сложившуюся партийную верхушку Ингушетии людьми «со стороны».

В четвертом параграфе *«Исламский фактор в контексте модернизации ингушского общества»* показывается, что центральная большевистская власть считала ислам, исламские секты и духовенство своим идейным противником, но сначала вынуждена была терпеть их существование и деятельность.

Стремление ингушей к грамотности в сочетании с религиозным мировоззрением вылилось в расширение сети медресе, в добровольное финансирование этой системы образования, причем объем финансирования был сопоставим с объемом налогов, собираемых с народа властью.

Система духовного образования в Ингушетии период НЭП была альтернативой государственной. Но в период модернизации хозяйственной и духовной жизни политика воинствующего атеизма привела к ее полному искоренению, закрытию мечетей, репрессиям духовенства и разгрому сект. Сильнейший удар был нанесен по всей духовной основе жизни народа.

Отсутствие организованного сопротивления этим действиям объясняется, видимо, довольно поздней исламизацией народа ингушей, отсутствием религиозного единства (деление на секты и на последователей ортодоксального ислама).

Таким образом, методами насилия в Ингушетии большевики реализовали принцип светскости государства, отделения школы от церкви и церкви от государства, толкавшие принудительно ингушский народ через кризис традиционных духовных основ жизни к европейскому образу жизни.

Социальные и культурно-нравственные функции мусульманского духовенства возлагаются на принципиально новые культурно-просветительные учреждения и средства массовой информации. Но механическое преобразо-

вание мечетей в клубы, вещание через газеты и радио не смогли окончательно вытравить у ингушей их духовные корни, которые они сохранили через десятилетия войн, депортации, и реабилитацию.

В **заключении** сформулированы основные результаты и выводы, полученные автором в ходе исследования. Главные из них:

На основе комплекса опубликованных и выявленных впервые автором архивных источников, использования достижений отечественной историографии обобщен сложный, порой драматичный путь интеграции ингушского традиционного общества в российский цивилизационный процесс.

Ингушский народ оказался в XIX веке на острие геополитических интересов России на Кавказе и эпицентре контактной зоны различных цивилизаций. Ингуши не участвовали в Кавказской войне против России, уклоняясь от глобальных потрясений и законов имамата. С интеграцией в состав империи, российская администрация, формируя у ингушей чувства гражданственности и цивилизации, в различных исторических условиях использовала и мягкие методы «обрусения», и жесткие методы «русификации».

В ходе исследования выявлено, что отказ в российской кавказской политике от учета местных особенностей, нарушение государством принципа одинакового отношения ко всем народностям Кавказа «накаляли» межэтнические отношения. Вытеснение в горы ингушей, дефицит земли, экстенсивное ведение хозяйства разрушали основы их традиционной экономики, стимулировало на борьбу за расширение своего ареала, и породили хронический конфликт с соседями, активизировал включение их в экономические и политические процессы края.

В диссертации обращается внимание на то, что противоречивая политика государства, издержки, незавершенный характер буржуазных реформ в регионе препятствовали полнокровному включению ингушей в общероссийский цивилизационный процесс. При этом, на рубеже XIX–XX вв. элита и значительная часть ингушского общества уже не видела альтернативы включения Ингушетии в российский цивилизационный процесс, но в силу ряда обстоятельств они оказались в арьергарде десятков этносов Северного Кавказа, более активно двигавшихся в лоно российской цивилизации.

На наш взгляд, Советская власть стала более активно, нежели имперская власть, втягивать Ингушетию в новый этап российского цивилизационного процесса, развивая ее инфраструктуру, строя в области промышленные предприятия, поддерживая претензии ингушей на расширение их ареала. Стремясь искусственно расслоить экономически однородное общество по классовому принципу и затем объединить его в новых рамках коллективизации, формируя новую элиту, власть создавала условия для ликвидации неграмотности населения, формирования национальных профессиональных кадров для всех отраслей экономики. Тем самым создавались предпосылки для включения ингушей в индустриальное общество.

Особое внимание в диссертации уделено трансформации духовной сферы традиционного ингушского общества. Духовным знаменем большинства ингушей стало исламское сектантство. Стремление ингушей к грамотности в сочетании с религиозным мировоззрением вылилось в расширение количества духовных школ, конкурирующих с государственной системой образования.

Массированное насаждение светской культуры и образования на основе коммунистической идеологии, активизировавшееся в период «великого перелома», интенсифицировало социальные процессы в ингушском обществе, в корне трансформировало хозяйственную и духовную жизнь ингушского народа, обеспечив ему серьезные предпосылки глубокого включения всего ингушского народа в российский цивилизационный процесс. Он был гораздо масштабнее, чем в имперский период, и самое главное, приобрел необратимый характер.

Подводя итоги, следует отметить, что незавершенный и непоследовательный характер имперских и советских мероприятий по интеграции традиционных горских обществ в социокультурное и экономическое пространство России обусловили во многом в современный период социальную напряженность на Российском Кавказе, и, в Ингушетии, в частности. Внешние враждебные России силы не оставляют попыток использовать стратегически важный приграничный регион для развала страны по украинскому сценарию.

Учитывая, что национальная государственность народов Северного Кавказа поднялась на более высокий уровень, необходимо сделать выводы их большевистского опыта «конструирования» национальных автономий с учетом самого опасного вызова современной России - угрозы международного терроризма.

Как показывает практика, понятия «нация» и «страна» в идеологии ИГИЛ находится ниже вероисповедания - главного этического и культурного индекса. Это особенно важно учитывать на полиэтничном Северном Кавказе, помня прямые угрозы их лидеров в адрес России.

Очень важно противопоставить им единство, понимание нашей исторической общности в составе России. Народы Северного Кавказа, и, Ингушетии, в частности, сыграли важную роль в укреплении российской государственности в новейшей истории. Поэтому поиск новых ценностных ориентиров, способных объединить все народы России и учет их историко-культурных традиций для осознания общности историко-культурных судеб, обеспечит им движение вперед и поступательное развитие.

Основные положения диссертационного исследования отражены в 8 научных публикациях.

Статьи в ведущих научных рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации:

1. *Аджигова А.М.* Особенности социально-экономического положения Ингушетии в первые годы XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики – Тамбов, 2013. – № 9. – Ч. 1 – С. 13–15.

2. *Аджигова А.М.* Проблема земельного обеспечения в Ингушетии в период существования Горской АССР. (1921–1924 гг.) // Современная научная мысль. – М., 2015. – № 6. – С. 31–35.

3. *Аджигова А.М.* Установление российской системы управления в Ингушетии и преобразования ингушского традиционного общества во второй половине XIX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики – Тамбов, 2015. – № 11. – Ч. 2. – С. 13–16.

4. *Аджигова А.М.* Социально-экономическое положение в Терской области на рубеже XIX–XX вв. и его влияние на Ингушетию // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2015. – № 12. – Ч. 1. – С. 16–19.

Статьи в сборниках, журналах, материалах конференций:

5. *Аджигова А.М.* Роль аграрного вопроса в социально-экономической жизни Ингушетии в последние годы XIX в. // Сборник научных трудов Ингушского государственного университета. Вып. 9. – Магас, 2014. – С. 209–214.

6. *Аджигова А.М.* Религиозно-культурный фактор в контексте социальной модернизации ингушского общества // Материалы V международной научно-практической конференции «Новое слово в науке: перспективы развития». – Чебоксары, 2015. – С. 28–32.

7. *Аджигова А.М.* Преобразования ингушского традиционного общества и установление российской системы власти и управления // Аспирант. – Ростов-на-Дону, 2015. – № 7. – С. 140–146.

8. *Аджигова А.М.* Общественное состояние Ингушетии в конце XIX в. // Материалы XVI международной научно-практической конференции «Современные тенденции развития науки и технологий». – Белгород, 2016. – С. 59–65.